Евгений ПЧЕЛОВ

СИМВОЛИКА ВОИНСКИХ РЕГАЛИЙ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ

История государственных регалий России – одна из активно разрабатываемых тем в современной исторической науке. Особенно актуальна она в контексте истории государственной символики и форм репрезентации власти. Ведь регалии не только несли на себе изображения государственных символов, но и сами выполняли важнейшую символическую функцию, являясь зримым воплощением верховной власти России, в концентрированном виде отражали историю страны, её духовные традиции и культуру.

В последние годы появилось несколько научных публикаций музейных предметов и специальных исследований, посвящённых как всему комплексу государственных регалий[1], так и отдельным вещам. В целом ряде работ проанализированы коронационные регалии, в том числе царские венцы, скипетры, державы, начиная со знаменитой шапки Мономаха[2]. Плодотворно изучается история регалий в XVII в.[3]

Однако помимо широко известных предметов, участвовавших в коронациях и других официальных церемониях и выполнявших функции гражданской презентации правителя, – корон (венцов), скипетров, держав, жезлов, барм и т.п. к российским регалиям с полным правом следует отнести и некоторые предметы парадного вооружения, представлявшие русских государей в военном качестве и использовавшиеся в церемониях военного характера. Впервые вопрос о существовании особых воинских ре-

---

[1] Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XIII вв. – М., 1997; Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. – М., 2004.

[2] Жилина Н.В. Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование. – М., 2001; Бобровницкая И.А. Шапка Мономаха: К проблеме происхождения формы // Филимоновские чтения, вып. 1. – М., 2004.

[3] Мартынова М.В. Царские венцы первых Романовых // Искусство Средневековой Руси. ГИКМЗ «Московский Кремль» : материалы и исследования. – М., 1999; Она же. Регалии царя Михаила Фёдоровича. – М., 2003; Бобровницкая И.А. Регалии царя Алексея Михайловича. – М., 2004.

галий в России в новейшей историографии поставил А.К. Левыкин, который рассмотрел воинские церемонии допетровской Руси и охарактеризовал круг предметов вооружения, имевших значение военных инсигний[1].

Символика воинских регалий до сих пор остаётся мало исследованной. Между тем на многих воинских регалиях имелись интересные эмблемы, различные символические изображения, круг которых отнюдь не ограничивался российским государственным гербом. В то же время воинские регалии сами могли стать государственными символами и даже войти в государственную геральдику России.

К числу воинских регалий русских царей могут быть отнесены разнообразные предметы вооружения, прежде всего, это – саадак, представлявший собой лук со стрелами, налуч и колчан; шлем и сабля. Кроме того, в описаниях походной царской казны упоминается и колющее оружие, например, копья, а некоторые сохранившиеся вещи из Оружейной палаты в силу своей уникальности также могли обладать статусом воинских регалий. Во время военного похода воинские регалии несли перед царём специальные придворные служители. Эти предметы как бы символизировали русского государя в качестве воителя, демонстрировали его участие в военной жизни страны и подчёркивали его высокое предназначение.

Всего имелось три набора воинских регалий. Число наборов (или «нарядов») вещей заставляет задуматься над его символическим значением. По предположению А.К. Левыкина, это число могло соответствовать числу царств, находившихся под скипетром русского государя (Русское, Казанское и Астраханское или, позднее, Казанское, Астраханское и Сибирское)[2]. Однако в наборе из трёх саадаков прослеживается традиционная тернарная структура, характерная для русской культуры того времени. Число «три» устойчиво ассоциировалось со Святой Троицей, и именно по-

[1] Левыкин А. К. Воинские церемонии и регалии русских царей. – М., 1997.
[2] Левыкин А.К. Указ.соч., стр. 62.

этому было так распространено в различных явлениях и объектах культуры, в т.ч. и придворной.

Саадаки различались по декоративному оформлению. Если главный («большой») саадак был украшен золотом, финифтью и драгоценными камнями, то второй («другой») имел только золотую оправу, а третий – вообще был шитым. Точно так же различались и стрелы. Для большого и второго саадака предназначалось по 30 стрел, а для третьего – только 25, причём стрелы большого саадака были сделаны из кипариса, второго – из яблони, а стрелы третьего названы «тростяными». Следовательно, и само материальное «воплощение» церемониального оружия различалось в зависимости от его статуса.

Самый ранний саадак «Большого наряда», сохранившийся до нашего времени, был создан группой иностранных мастеров для царя Михаила Фёдоровича в 1627–1628 гг. Он, вероятно, относится к целой серии предметов, изготовленных для царя в эти годы, в связи с необходимостью сделать новый «комплект» регалий. Декоративное оформление саадака чрезвычайно интересно. Он украшен многочисленными драгоценными камнями, но главное, имеет несколько эмблематических изображений, выполненных в технике эмали.

На налуче саадака в центре помещено изображение двуглавого орла, вокруг которого четыре медальона с четырьмя животными. Это – одноглавый белый с золотом орёл, который держит в лапе царский венец; коричневый грифон, держащий в лапе державу; белый единорог, держащий скипетр, и, наконец, золотой лев, держащий меч. Ниже этой композиции расположено изображение всадника, пронзающего копьём дракона.

На колчане также имеется изображение двуглавого орла, аналогичное изображению на налуче, но меньшего размера. А ниже, под орлом, помещён в медальоне белый единорог с золотым рогом, обращённый вправо от орла. Из всех трёх государственных эмблем изображение единорога еще

и повторено вокруг двуглавого орла, что заставляет подробнее остановиться на его символике.

В русской эмблематике единорог известен с конца XV в., но только при Иване Грозном его изображение появилось на государственных печатях и оставалось на них вплоть до середины XVII в. Он стал очень популярным символом, в том числе военным, причём в некоторых сюжетах и эмблемах изображался в борьбе со львом.

Единорог – мифический зверь, известный ещё со времён древних культур Востока. Вероятно, через восточное влияние этот образ стал известен в античности – о единороге писали греческие и римские авторы, связывая места его обитания с Индией или Африкой. В средневековой христианской культуре символ единорога был многозначным. Прежде всего, он считался наделённым необыкновенной силой. Мощь и непобедимость единорога сделала его распространённым военным символом, что видно и в случае русских воинских знамён. Сила единорога заключалась в его роге. Считалось, что если опустить такой рог, например, в отравленное питьё, оно лишится своих смертоносных качеств. В то же время единорогу приписывали и способность самообновляться: из сброшенного умирающим зверем старого рога мог зародиться новый единорог. Единорог был непобедим, но приручить его могла только девственница, поэтому единорог воспринимался символом чистоты и невинности.

В христианской традиции ему придавали особое значение. Дева символизировала Богоматерь, а единорог – самого Христа. Так, в Евангелии от Луки явление Христа метафорически именуется «воздвижением рога спасения нашего», а в Псалтири «вознесение» рога единорога служит метафорой приобщения к Господу и победы над врагами. Соответственно на Руси рог «инрога» мог символизировать «возвышение христианского царства» и

даже самого «великого государя», а по сообщению Жака Маржерета, из рога единорога был даже сделан посох русских царей[1].

Из двух других эмблем саадака Михаила Фёдоровича на предметах вооружения присутствует изображение грифона. Существует гипотеза о том, что грифон уже в XVII в. мог быть родовой эмблемой Романовых (в качестве официального романовского герба он известен только с середины XIX в.). Но, как бы то ни было, всех четырёх животных саадака следует рассматривать в качестве единой символической системы. С одной стороны, это были символы царской власти (государственный орёл, всадник, регалии), с другой – символы духовного характера (аналогия с символами евангелистов). Тот же факт, что эти эмблемы помещались на предметах парадного вооружения, воинских регалиях, означал то, что царь в военном качестве являлся не только защитником страны, своей державы, но и христианской веры, предводителем православного воинства.

Если сабли «Большого наряда» (за единственным исключением) не несут на себе каких-либо существенных эмблем, то главный царский шлем в этом отношении более показателен. Речь идёт о великолепной шапке-ерихонке царя Михаила Фёдоровича – выдающемся шедевре из собрания Оружейной палаты. Само название «ерихонская шапка» происходит, по-видимому, от глагола «ерихониться», т.е. «красоваться». В основе – это восточный шлем, но он был оформлен выдающимся мастером Никитой Давыдовым (проработавшим в Оружейной палате несколько десятков лет) в 1621 г. Шлем украшен золотой насечкой, составляющей прихотливый и тончайший узор растительного орнамента, эмалью, жемчугом и драгоценными камнями. На наносной стрелке шлема изображён архангел Михаил – предводитель небесного воинства и военный покровитель русских царей. Он держит в правой руке восьмиконечный крест, а в левой – скипетр. Ар-

[1] Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал. – СПб., 2007, стр. 168.

хангел Михаил ясно указывал на образ царя-воина, поскольку соотносился с княжеской, а затем царской властью (именно собор архангела Михаила (Архангельский собор) был некрополем русских князей и царей).

Великолепное декоративное оформление шлема, несущее определённый символический смысл, и его функция в составе «Большого наряда» походной казны царя позволяют считать его «боевым венцом» русских царей. Это восприятие шапки ерихонской сохранялось и в дальнейшем, но её реальная история оказалась переосмысленной. В XIX в. шлем Михаила Фёдоровича считали шлемом самого Александра Невского, а значит, самым древним княжеским шлемом России. Именно в этом качестве изображение шлема вошло в состав государственного герба Российской империи, созданного бароном Б.В. Кёне в 1856–1857 гг. В структуре герба шлем занял весьма важное место – он увенчал центральный щит с изображением самого двуглавого орла. Таким образом, военная составляющая русской государственной идеологии нашла воплощение на самом высоком символическом уровне.

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович – к.и.н., доцент; доцент кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ